лать из них поделку в детский сад, в новом пододеяльнике для двуспальной кровати, в чёрном зонте-трости, который я вчера видела в приморском магазинчике и который спасал бы тебя от дождя по дороге на работу? В этом незатейливом цветке, выскочке, который ты так любил? Стоит весь год неприметный, а потом – раз – розовые цветы, один за одним. В том, чтобы вылечить тебя от ангины раз и навсегда, погладить твою рубашку, сварить уху? Дождаться тебя с войны?

…Мне вдруг захотелось сыграть Женевьеву из «Шербурских зонтиков». Впервые за несколько лет запрятать свои воспоминания в старый кожаный чемодан. Нестерпимо-оранжевый, разом потяжелевший от многотонного груза. Сложить туда все твои письма, тишину моих комнат, одиночество. Выйти замуж за, быть может, очень богатого человека, томно прогуливаться с ним под руку по приморской набережной, нарядившись в меховое манто. Пьянеть от восторженных взглядов прохожих. Ни о чём не думать. И встретить тебя неожиданно. Посреди зимы, тихим ясным днём, в ослепительно-чёрном пальто, поседевшего, доброго, грустного. Улыбнуться друг другу, пройти мимо, послушать, как пронзительно ёкнуло сердце, закутаться ненадолго в свою грусть, словно в тёплую шерстяную шаль, согреться. Потому что ничто так не греет опустошённые души, как утерянная любовь. Больно только вначале.

В гостиничном номере было широкое зеркало в полный рост. По ночам оно отражало наглухо задёрнутое чернильно-бордовыми шторами окно, меня, сидящую в кресле, и стопку ещё не прочитанных книг на полу. Занавес был опущен. Но откуда-то из глубины, по ту сторону, играла музыка Мишеля Леграна… «Целой жизни мало, чтобы ждать тебя…». Почему-то всплыло лицо соседки. Лестничный марш, почтовый ящик. Тридцатилетняя давность. Медленно проворачивает ключ в замке, не находя писем. Оборачивается, видит в моих руках конверт. Смотрит глазами, полными бессонных ночей, усталости, глазами, в которых целое поле ромашек засыпано пеплом.

– Какая ты счастливая, Катька, пишет тебе каждый месяц. Живой. А мой ещё в сорок первом без вести пропал, а я всё жду – вдруг вернётся… Что пишет-то?

– Что любит.

– А ты?

– Что буду ждать его всю жизнь.

– Думаешь, война будет идти всю жизнь?..

Летели, летели годы. Я стала заслуженным врачом. Научилась водить машину. Обрела надёжных друзей. Простая ясная жизнь. Не сюжет для спектакля. Жизнь, которую никто бы и никогда не сыграл на сцене. Разве что только шахматную партию. Чёрные мысли – пешки. Белые – короли. Целый шахматный бой в зазеркалье. Сбитые навзничь фигурки летят из зеркала вместе с осколками автоматной очередью. Зеркало рассыпается, как песок. Острый, колючий. Меткий.

…А потом вдруг прилетел Ангел и принёс мне новое зеркало. В нём отразилось, что у меня выгоревшие жёлтые шторы, пыльно-лимонная накидка на диване, а волосы – седые. Сон о войне длиной в полвека закончился. Ангел замотал мою душу в белое вафельное полотенце и вылетел в распахнутое окно. Это было в марте…

Павел САВИНКИН
журналист

ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

Картинки с натуры

Святая к музыке любовь

На голодный желудок Нина Петровна петь не разрешает. Не успел перекусить – вот тебе булочка-пирожок, вот кружка чая, а уж потом – музыка. Какой же из человека артист, коль скоро в животе бурчит?! С пустым желудком петь не просто скучно и безудовольственно, главное – голос не звучит, нет в нём полноты и жизни. А перекусил – и можно приступать к распевкам – арпеджио и прочим лякам… На булочки деньги выделяет педуниверситет, доказывая тем самым трепетное отношение к хору, солистам и их многолетнему бессменному музыкальному руководителю Нине Петровне Гуменюк – личности легендарной.

По статусу она занимается сугубо студентами педуниверситета, готова сутками напролёт учить их правильному, чистому пению, умению держать именно свою партию, чувствовать партнёра. Благодаря этой самоотверженности подопечные Нины Петровны не раз завоёвывали первые места в региональных конкурсах и фестивалях искусств. Иначе и быть не могло: у неё жизненное кредо – быть во всём первым. Никаких «но»! Только – первым!

Но статус статусом, а вообще на уроки по вокалу к ней может прийти любой, кто хочет научиться петь. При условии, конечно, что не наступил на ухо медведь. И если заложена хоть толика таланта, то после занятий (упор-

ных, длительных, порой изнурительных, до седьмого пота) она его раскроет, достанет, как бы глубоко он ни прятался.

…Нина Петровна перебирает папку с фотографиями своих подопечных, с их письмами, с дипломами, вырезками из газет и, знай, сыплет фамилиями тех, кто пошёл на сцену, стал заслуженным, выбрал в жизни певческий путь… Кстати сказать, в прославленной капелле «Возрождение» поют, в том числе, и её воспитанники…

Она вся в музыке. Это её жизнь. О чём бы ни начинали мы говорить – тема плавно переходит в исполнительское искусство. А ещё она постоянно сетует, что отношение к музыке сегодня разительно изменилось.

– Как-то, в советское время, прохожу по коридору, – рассказывает Нина Петровна, – вижу: Инна Петровна Шинялова, декан геофака, плачет! Господи, что за горе?! А она мне: «Опять филфаковский хор первое место занял!»

Впрочем, руководитель хора понимает, что времена не выбирают, она хоть и вздыхает по поводу санкций и прочих реалий, по-прежнему патриотично верна своему любимому делу: учит петь. Хор, считает она, воспитывает в людях чувство локтя, умение слушать друг друга – не только голос, а именно движение души. Учит настраиваться на того, кто рядом.

– Согласитесь, – говорит Нина Петровна. – Ведь это помогает в работе, в жизни вообще… Разве я не права?!

Да как же не права?! Самый главный урок, который усваивают её подопечные, – это способность не фальшивить.

Не в музыке, – тут всё понятно. Не фальшивить в жизни!

Швец, жнец, на дуде игрец…

Уже скоро два года, как Амурский театр драмы покинул очередной главный режиссёр Игорь Афанасьев, а до сих пор, кажется, по воде идут круги. Он появился здесь совершенно неожиданно, вдруг, как пыльный мешок из-за угла. Наколобродил, нашумел, навзбудоражил, наперемешал, наставил на амурской сцене с пяток спектаклей, сгонял с труппой в Америку, чтобы показать один из них тамошним евреям, влюбил в себя массу благовещенских театралов, сорвал аплодисменты, увлёк местный бомонд массой проектов, умыкнул из области симпатичную девчонку – представительницу именитой благовещенской театральной фамилии, понастроил воздушных замков, поселил в них всех легковерных искателей славы… И вдруг был таков…

И как-то опять стало скучно…

Никто не вынашивает идею создать амурскую киностудию, пригласить на первые съёмки звёздных мастеров («Бондарчука, пожалуй, не потянем. А Лёню можно. Да-да, пригласим Лёню. Ярмольник согласится»), сделать Благовещенск Дальневосточной киностолицей, куда потекут знаменитости и инвестиции (благо, потенциал огромный: великолепные местные артисты, талантливые операторы с местного телеканала).

Впрочем, со своими идеями Игорь Яковлевич не носился. Он ими обволакивал, по-дьявольски искусно соблазнял, сладко приправляя бредовые на первый взгляд замыслы плотной вязью знакомств с влиятельными российскими деятелями театра и кино. И кто знает, может и были б уже в разгаре съёмки четырёхсерийного телефильма из истории наших краёв, если б закопёрщик не уехал… Год назад должны были начаться…

Перечислять профессии, коими он владеет – никаких пальцев не хватит: режиссёр, сценарист, писатель, актёр, продюсер, телеведущий, швец, жнец, на дуде игрец… И надо отметить, во всех он состоялся. Над его книгами (а он написал столько, что Донцова нервно кусает губы) – плачут женщины и суровеют мужчины, его сценарии востребованы большими мастерами, телепрограммы собирают у экранов зрителей (с их героями-звёздами Афанасьев на короткой ноге и в теме – дока!), а на театральных постановках (в том числе и за рубежом) – всегда аншлаг. Короче – Мейерхольд наших дней.

Его биография – сюжет для авантюрного романа. Первую строчку написали его мать с отцом – родили, а дальше он стал писать сам. На свет появился в глухом, ныне не существующем селе Шимановского района, учился в Киеве сразу на двух факультетах – актёрском и режиссёрском, работал в самых разных театрах на самых разных должностях, ставил оперы и рок-оперы, драмы и комедии, умудрился 17 лет прожить в США, где приучился к политкорректности и виски. Вокруг него всё время какая-то буза, шум, движение, сторонники, противники…

И самое главное – с ним было интересно.

Поиски жанра

Ирине Марченко тесно жить.

Находиться в рамках каких-то установленных правил, следовать строго инструкции – не в её характере (э-э… речь, если что – о творческом мышлении и процессе, а то подумаете, что она не соблюдает вообще никаких правил!)

Она вечно пробует себя в чём-то новом, всё время ищет возможности самовоплощения. То на телеэкране начинаются вечерние посиделки с её участием и в гости приходят люди самых разных профессий и социальных слоев поговорить «за жизнь», а она докапывается до самой сути собеседника, его потаённых струн – и люди раскрываются, абсолютно доверяя ведущей, потому что она не выспрашивает-интервьюирует, а разговаривает по-человечески.

То вдруг в городе начинают говорить о театре пародий – и вот уже никакие большие праздники и культмероприятия не обходятся без звёзд нашей эстрады: это молодёжь, которую объединила Ирина (не всегда ж она была Юрьевной!), очень похоже и смешно имитирует народных любимцев. По временам двадцатилетней давности – тоже новинка!

То она ищет ту самую пьесу, которая именно в этот момент, именно с этим сюжетом востребована обществом. Перерыты тонны театральных журналов, драматургических сборников – и поставлен очередной спектакль, про который можно смело сказать: «в яблочко»!

Театром Ирина заболела ещё в школе, ещё с тех самых пор, когда в далёкий северный город Зею пришло

телевидение, и она ночами смотрела спектакли московских театров (как и сейчас, в советское время всё самое приличное и интересное показывали ночью). Повезло и на учителей: в город гидростроителей приезжали работать люди высокообразованные, как их называли – «фасонные». Такой была и учительница литературы – учила понимать жизнь и пьесы. Ну и, конечно, многое в осознании лицедейства дал народный театр города Зеи. После всего этого путь в Хабаровский институт культуры был естествен.

В обществе Ирины Юрьевны невозможно лукавить: она, как Станиславский, если что – не поверит! Определив с младых ногтей свой жизненный путь, Ирина Марченко уже ни разу не сворачивала с него, вовлекая в орбиту лицедейства всё новых спутников. В том числе – свою семью. Как режиссёру ей оказались подвластны и российская, и советская, и зарубежная классика, а также пьесы совсем неизвестных авторов.

Когда общаешься с Ириной Марченко, создаётся впечатление, что находишься в вихревом потоке. Или летишь на комете. Или что-то похожее – так быстры её мысли, так мгновенны реакции, так неуловимы переходы минора в мажор (и наоборот) и так интересны и парадоксальны суждения о происходящем вокруг (не только в театральной жизни).

Она и спектакли-то ставит так, что открываются новые краски, новые смыслы. Казалось бы – возможно ль такое в студенческом театре, где за доблесть может почитаться уже хотя бы простое заучивание текста?! А вот поди ж ты, она всегда таких сподвижников находила, что превращали иную и без того интересную пьесу в совершенный шедевр. Вспомните её последнюю работу – спектакль «В этом лучшем из миров», где она собрала на одной сцене весь цвет своих артистов-выпускников разных лет да ещё пригласила известных журналистов! Вот уж где театральный праздник получился!

Конечно, кто-то скажет, мол, не настоящий она режиссёр, коль скоро играют у неё самодеятельные артисты – всё сплошь студенты… Так ведь как на дело взглянуть! Создав четверть века назад университетский театр, получивший впоследствии скромное название «МиР» («Марченко и Ребята»), Ирина Юрьевна поставила такие спектакли, которые заставили говорить о себе даже и столичную творческую интеллигенцию! Не случайно ж у неё дома на стене висит фотография Андрея Кончаловского с дарственной надписью! Маэстро просто так двигать ручкой не заставишь!

Теперь вот заявила о себе ещё и в логвиновско-альфаканаловском телепроекте «Между нами»… И опять удачно!

Ну говорю же, просто так ей жить тесно!

Марш оловянных солдатиков

Роберт Салахов собирает игрушечных (стеклянных, оловянных, деревянных) солдатиков.

Они у него строго систематизированы по родам войск, по полкам и проч. и проч.

Он точно знает, когда сигнальщик протрубит сбор и начнётся наступление, при этом, как главнокомандующий, твёрдо уверен в победе своих гренадеров, а как режиссёр отправил тайком командира одного из полков в палатку к маркитантке – дело молодое… И вот уже захлёбывается наступление, знамёна достаются врагу, а любвеобильный командир достает пистолет, чтобы смыть кровью позор поражения…

– Каков сюжет, а? – смеется Роберт и говорит, что давно мечтает поставить в родном театре спектакль совершенно без слов. Просто – действие, эмоции, замешанные на мастерстве коллег-актёров.

Поначалу я просто не мог себе представить, как это: целый спектакль – и ни единого слова!

То есть действие развивается, как ему и положено, по всем канонам театральной науки, и это совсем не балет и совсем не пантомима, а самый настоящий спектакль по самой настоящей (пока ещё не написанной) пьесе – но ни одного, ну ни одногошеньки слова!

Кто б другой со мной этим делился, я б мысленно покрутил пальцем у виска: театральный люд – он ведь, сами понимаете, – каждый Мейерхольд! Но идея, замысел принадлежат Салахову, и я сдаюсь, и уже вижу мысленно декорации, перспективу и актёров, играющих жизнь без единого слова… Как те самые солдатики!

Нет, такое действительно может прийти в голову только Салахову.

Народный (по сути) и заслуженный (по званию) артист России, он сыграл в Амурском областном театре драмы столько ролей, что, несмотря на тренированную память, не может вспомнить хотя бы первую сотню спектаклей, в которых участвовал.

На улицу Роберт предпочитает выходить сильно загримированным, чтобы избежать встреч с фанатками, которые всё равно узнают и бегут за ним с просьбами дать автограф. Открытки и программки он подписывает, как правило, именами сыгранных персонажей. Поэтому ни разу не повторился.

Вкус к режиссуре он почувствовал после постановки спектакля «Не покидай меня», где он проявил себя если и не вполне зрелым режиссёром, то почти таковым. Понятно, что не «с кондачка» всё было: и в студенчестве пробовал себя на этом поприще, и уже во взрослой актёрской жизни примерялся – но это всё были некие подступы, всерьёз не задумывался над подобным самовоплощением.

А тут встретил пьесу, и не самую, надо сказать, сильную, но промелькнуло в ней нечто человеческое, тронуло – и уже не давало спать ночами, и уже живо представлял ее на нашей сцене… И себя – в роли режиссёра! В общем, решился попробовать на вкус и этот хлеб.

И замелькали в голове замыслы – один интереснее другого (слушаю Роберта, и завидки берут: столько идей!). Я их, понятно, пересказывать не буду – чтобы не сглазить (тьфу, тьфу!). Но признаюсь вам на голубом своём глазу, что жалею, что сам не актёр – обязательно напросился б к Салахову сыграть хотя бы: «Кушать подано!»

(Ну, или молчаливую роль того самого командира, что шастнул к маркитантке).

Поиски гармонии

Сейчас Елена Иволгина строит свою работу в Шанхае. Хотя бы потому, что родной Благовещенск, увы, слишком мал для её масштабных проектов. Ей хочется – ни много, ни мало – чтобы у ног лежал весь мир. Чтобы смелость и гармонию её идей оценили представители разных культур. Чтобы воплощённые в жизнь её творческие откровения были понятны абсолютно всем, несмотря на разность языков. Для этого язык нужен универсальный – это, безусловно, танец. Всё остальное – рядом.

Вот чем, скажите, отличались программы уже канувшего в Лету благовещенского танцевального ансамбля «Имидж» – известного больше в Китае, чем у нас, но иногда всё же радовавшего амурского зрителя?

Тем, что они наполнялись не просто танцами – разноплановыми и показывающими класс исполнителей. Каждый номер (сюжетно выстроенный, в котором можно было прочесть небольшой эпизод жизни конкретной пары, историю любви, драму разлуки, радость встречи) плотно вплетался в общую канву действа.

А потом пришло время переоценок, переосмысления сделанного. Да, коллектив успешен, да, он позволяет зарабатывать неплохие деньги, да, популярность у «Имиджа» высока, но…

Но одному из главных действующих лиц – режиссёру-постановщику, идеологу ансамбля Елене Иволгиной стало тесно в уже сложившихся рамках, неинтересно двигаться в уже заданном направлении использования успеха, и она бросилась в водоворот новых поисков, новых открытий и – увы – глубоких разочарований. Но они – эти разочарования – не ломают крылья, а, как ни парадоксально это звучит, окрыляют её, дают новые импульсы… И это главное.

Она ездит по свету – Европа, Азия; она сотрудничает с прославленными брендовыми арт-коллективами в Лондоне и Париже; она впитывает в себя всё новое, что появляется в искусстве – будь то музыка, живопись, хореография…

Промежуточным результатом Елениных поисков стали показанные пару лет назад в Благовещенске тонкие и глубокие по замыслу танцевально-вокально-декламационно-философские спектакли.

Помните, на сцене одновременно находились и джаз-бэнд с прекрасной вокалисткой Валентиной Базановой, и лукавый соблазнитель-бес (артист театра и кино Олег Акулич), и участники разных танцевальных школ города, и, конечно, сама Лена Иволгина вместе с давнишним другом и партнёром Владимиром Архиповым, специально прилетевшим из Парижа. Это я сразу о двух спектаклях, буквально пунктирно. Согласитесь, что столь мощного действа на благовещенской сцене не удавалось создать ни одному из амурских постановщиков.

Кто из присутствовавших не помнит той радости, которая охватывала во время представлений, той паузы осмысления, открытия, когда замирали последние аккорды, тех оваций, что обрушились на священнодействовавших на сцене… Воистину, это был триумф, душевное обнажение, высокий полёт, за которым – проза финансовых проблем и непонимания со стороны тех, кто должен был беречь и продвигать иволгинские начинания…

Сейчас Лена строит свою работу в Шанхае. Родной Благовещенск, увы, слишком мал для её масштабных проектов, суть которых – продвижение русской культуры языком искусства. Помните дягилевские «Русские сезоны» в Париже? Вот Иволгина стремится создать похожее по сути.

Неурядицы – чиновничьи препоны, заскорузлость мышления, элементарную лень – перечислять не буду, я ж не о них. Я о Лене Иволгиной: придёт тот час, когда она, приведя всё в гармонию, снова удивит нас своими открытиями.

Человек «не так»

Всё было не так, никто не пророчил Александру Бобошко славу человека, которого будут узнавать на улице и приглашать на выступления! Никто не предрекал, что патлатый паренёк, времяпровождение которого заключалось в расшифровке ужасных по качеству записей В. Высоцкого с шипящих магнитофонных лент, станет хорошим поэтом, бардом и журналистом, чьи стихи и статьи будут находить отклик в сердцах читателей и слушателей… Напротив, в школе за его «художества» громогласно объявили: «У Бобошко начисто отсутствует художественный вкус. Место Бобошко – в тюрьме!» А всего-то и было «художеств», что спел он на вечере про вещего Олега из Высоцкого, а там про похмелье да перегар… О, как! Пел про судьбу, а услышали про перегар… Какая уж тут слава менестреля!

Вообще, чисто поведенчески Александр всегда стремился если не в тюрьму, то в психушку точно. Помню: совещание молодых писателей, идеологические напутствия работников парторганов и сотрудников КГБ, подвергание остракизму творчества зарубежных литераторов и музыкантов – за безыдейщину, пропаганду насилия и так называемого секса… А Бобошко – чуть ли не в ответ на эти идеологизмы – делает вольный перевод программной композиции пинкфлойдовского альбома «Животные», где говорится о том, что живём мы в обществе скотов и что большинство из нас – слепые овцы, ведомые свиньями… И это – в махровое советское время!

А то ещё – в самом начале 80-х – работая в Доме культуры «Речник», намастырился ставить диско-спектакли по своим собственным сценариям. Иные посетители дискотек просто музыку слушают да тексту внимают комедийно-ёрническому, но ведь у Бобошко «просто так» не бывает, всё с подтекстом, всё с намёком! Вроде и слова патриотические, и империализм там как высшая стадия загнивания, а на поверку – бунтующий дух свободы и жажда вольницы! Приходилось по этому поводу беседовать с «искусствоведами в штатском», они умели читать между строк и прикрывали вредоносные спектакли… Зато те, что «промаргивались», становились дипломантами Всесоюзных конкурсов… Вот ну всё у Бобошко не так…

Про причёску его кучеряво-густющую до плеч (зависть юного Макаревича!) я вообще молчу: сколько не-

приятностей из-за неё было – не счесть! Бывало, на фестивали не выпускали! Иной бы рукой махнул, мол спокойствие дороже… Но спокойствие – это не про Бобошко! В нём всегда сидит бунтарь. Если б у него был автомобиль – точно знаю, он ездил бы только по «встречке»…

За свою творческую биографию Александр Бобошко написал столько песен, что сбивается при подсчёте изданных сборников. А сколько он провёл концертов, выступлений и встреч с любителями поэзии и хорошей песни! Впрочем, статистикой Александр никогда не занимался. Просто берёт в руки верную гитару – и разговаривает с друзьями, облекая в рифмы простые слова и будоража сердца романтиков. Вот через пару недель у него в филармонии сольный концерт. Традиционный. Думаете, там всё традиционно будет?

Нетушки! Всё будет по-бобошкински! Не так!

Проказник в живописи

Если бы Николай Савченко проживал в средние века, то был бы героем плутовских романов – с его лёгкостью восприятия мира, изящностью живописных проделок и кажущейся бесшабашностью. Этакий проказник в живописи. Он иронически переосмысливает общеизвестные постулаты, подвергая сомнению прописные истины, а потом сомневаясь в своих сомнениях. Он продолжает творить собственное «Я», маскируя его картинами. Удастся войти, проникнуть в них – и вы сумеете попасть во внутренний мир художника. Попасть – и заплутать как в густом смешанном лесу: уж очень там непроходимые заросли.

Создавая свои работы, Николай подтрунивает над нами, «пришпиливая» листочки бумаги к холсту булавками, а потом смеётся, наблюдая, как обманутый зритель пытается вытащить нарисованную булавку из нарисованного же листочка… Всё это – внешний обман, «заманиха», ловушка, капкан, которыми он притягивает, привлекает зрителя к душевному труду, к попытке разгадать тайный смысл написанного. Как настоящий художник, он не может не говорить загадками, а потому грустно улыбается, видя, как слишком буквально воспринимают его серию «Камешки»: мол, нарисовал груду булыжников… Или понимающе вздыхает, осознавая, что карикатурно-бытописательские на первый взгляд серии «Правила» и «Сага деревенская» плоско примеряют к «Моральному кодексу строителя коммунизма» или к «Домострою»...

При этом Николай совершенно не переживает по поводу того, что многие его творения воспринимаются слишком поверхностно… Он понимает: придёт и их черёд… Потому-то в его работах никаких выводов и оценок, всегда знак вопроса: а ну-ка, сообрази, о чём это я? Лукавствуя, этот проказник от живописи заставляет зрителя, всматривающегося в его картины, вдруг увидеть собственное отражение.

Когда смотришь на его работы, кажется, что автор зашёл за штору и, иронически скалясь, подсматривает (совершенно в духе плутовского романа!) за нами. И неожиданно – выглянет оттуда и покажет всем нос.

В русской культуре художника Савченко можно сравнить со скоморохом: смело, едко, глубоко – и слеза в уголке глаза…

Он – сдаётся мне – один из самых ярких амурских мистификаторов-художников.

Картинка с выставки

…Всего-то, что дом покосившийся да полуповаленный забор из старого редкого почерневшего штакетника – видать, мужика давно в доме нет крепкого; некое запустение вокруг, упадок – вон и ворона на столбе нахально сидит: аккурат в двух шагах, а даже и не шелохнётся, знает, что не подкрадётся пацан с рогаткой.

Нет-нет, да и скрипнет покосившаяся дверь: старушка за дровами выйдет, посмотрит вдаль – не видно ли кого из знакомых? Нет, не видно! Возьмёт полено – и опять в свою обитель – вон её окошко светится… Эх, знавал этот дом лучшие времена, видать, человек с достатком содержал его, и пианино, поди, стояло в большой комнате, и дворник вокруг метлой махал, и хулиганистый сын его всё норовил ту самую ворону камнем из-за угла… так ведь давно то было, а сейчас…

А сейчас – полуповаленный забор, тёплый вечер с грязным оседающим снегом… Воспоминания. Март…

Грустная картина, вызывающая целую гамму чувств, цепь каких-то смутных воспоминаний, заставляющая вдруг увидеть и ныне живущих в этом доме людей, и тех, что ушли давно – туда, откуда нет возврата… Людей этих нет на холсте, а почему-то живо представляешь их: сочиняешь биографии и даже даёшь имена.

Как смог художник найти ту тональность, что заставила душу зрителя откликнуться, затрепетать в такт сердцу автора?

Удивительно, что такую картину написала совсем юная художница… «Тёплый вечер. Март» принадлежит кисти выпускницы кафедры изобразительного искусства БГПУ Олеси Безденежной. Работа создана в лучших традициях русской живописи и стоит в одном ряду с произведениями тех мастеров, которыми по праву гордится Россия. Безусловно, искусствоведы, маститые художники найдут в работе недостатки (их, наверное, и не может не быть в дипломной работе вчерашней студентки), но я говорю не о силе мазка или нюансах светотени – я о чувствах, которые будит этот пейзаж. Он трогает, навевает образы. Тормошит… И это – серьёзная заявка на пропуск в Большой мир искусства.